

Caucasian Regional Studies

The International Association For Caucasian Regional Studies
Law Politics Sociology Economics Modern History International Relations

Caucasian Regional Studies, Vol. 4, Issue 1, 1999

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ И ПОЛИТИКА: ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИДЕИ О «НАЦИОНАЛЬНОМ ГЕРОЕ» НА КАВКАЗЕ И В РОССИИ

Моше Гаммер*

Советское наследие

Распад Советского Союза в 1991 году привел к образованию вакуума во многих областях. Один из них относится к коллективной идентичности. При наличии противоречия, в котором оказалась советская национальная политика между, с одной стороны, национальным строительством у различных народов СССР, а с другой стороны, «советским патриотизмом» и «пролетарским интернационализмом», ни один из компонентов бывшего Советского Союза не завершил своего национального формирования. Поэтому радикальные изменения привели к острой необходимости реконструкции существующей идентичности или к созданию новой. Все компоненты бывшего Советского Союза ощущали нужду в этом – все 15 бывших союзных республик, которые оказались независимыми государствами, так же как и «меньшие» автономные единицы, которые оставались в пределах Российской Федерации.(1)

Такая реконструкция идентичности, или же создание новой, включает в себя переформирование коллективной памяти и переписывание истории. Во многих случаях главной темой для коллективной памяти, а поэтому и для коллективной идентичности, является борьба против российских завоеваний. Лидеры в такой борьбе, «национальные герои», являющиеся в течение долгого времени носителями этой идентичности, становятся теперь объектами нового исторического повествования, конструируемого и распространяемого игроками, нацеленными на дивергентную идентичность и разные политические идеалы. «Национальным героем» в Чечне и Дагестане является Шамиль (1797 – 1871) – самый известный и успешный из трех имамов (лидеров) тридцатилетнего сопротивления, осуществляемого под руководством ордера

Как имеющий свои права Алим (3) и посвященный в Накшбанди-Халиди Шейх, Шамиль руководил сопротивлением в течение двадцати пяти лет (1834 – 1859 гг.). В течение этих лет он 1) построил регулярную армию, 2) построил и развил государство, 3) впервые в своей истории объединил многочисленные племена и приучил их быть частью «регулярного» государства на постоянной основе и 4) – может быть в дальней перспективе его наибольшее достижение – завершил исламизацию Чечни и, если можно сказать, «суфизировал» ее и Дагестан.(4)

Шамиль еще при жизни стал легендарным героем как для своих соотечественников, так и для русских.(5) Однако именно советская историография сделала известным его имя далеко за пределами Кавказа. Для марксистских историков, которые контролировали эту область науки с начала 1920-х годов, Шамиль был великим «прогрессивным» героем и лидером «национально-освободительного движения» против царизма и колониализма. Однако такая интерпретация не отвечала интересам режима, так как имя Шамиля связывалось с антирусским и антибольшевистским сопротивлением. (6) Фактически наиболее приемлемым курсом для советских властей было замалчивание проблемы. Обстоятельства еще более усложнились, когда в 1950 году Шамиль официально был объявлен «реакционным», «антинародным», «турецким (оттоманским) и английским шпионом». В 1956 году, вслед за попыткой реабилитации Шамиля и бурными публичными дебатами, советским историкам была навязана официальная компромиссная формула. В соответствии с ней, Шамиль первоначально был лидером «прогрессивного», «народного», «анти-колониального» и «национально-освободительного» движения, однако позже «антинародные» феодальные и клерикальные элементы стали контролировать это движение и трансформировали его в реакционное. Эта формула оставалась в силе практически вплоть до крушения СССР, и в большинстве случаев советские власти старались замалчивать эту проблему.(7)

Не удивительно с точки зрения этой истории, что для дагестанцев и чеченцев Шамиль оставался «национальным героем». Вплоть до дезинтеграции СССР имя Шамиля призывалось и использовалось разными лагерями в их политических целях. Каждый по-разному проливает свет на Шамиля и приписывает ему черты, соответствующие их собственным целям и убеждениям. В настоящее время три исторические интерпретации соперничают между собой за доминирование при реконструкции коллективной идентичности чеченцев и дагестанцев, также как и других народов Кавказа и русских. По крайней мере потенциально сбоку вырисовываются еще четыре. В той или иной степени все они являются реакцией на советскую интерпретацию.

Дагестано-аварская интерпретация

Республики, Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика (Дагестанская АССР) была создана как многонациональное образование. На исторической земле горцев говорили более чем на тридцати языках.(8) Численность говорящих на этих языках колеблется от нескольких сотен населяющих одну деревню до нескольких сотен тысяч человек. Советские власти поделили эти группы на одиннадцать официально признанных национальностей. Иосиф Сталин присоединил к Дагестану соседние низменности с их русским и тюркским населением. Таким образом, еще четыре официальной национальности было присоединено к новой республике.

Титульные национальности Дагестана

Национальность	1989 Перепись		Оценки середины 1993г.	
	Численность: Тыс.	%	Численность: Тыс.	%
Аварцы (9)	524	25.8	579	26.3
Даргинцы (10)	314	15.5	349	15.9
Кумыки	249	12.3	275	12.5
Лезгины (11)	231	11.4	249	11.3
Лаки	98	4.8	105	4.8
Табасаранцы	94	4.6	106	4.8
Ногайцы (12)	32	1.6	35	1.6
Рутулы	19	0.9	23	1.0
Агулы	18	0.9	21	1.0
Таты (13)	11	0.5	12	0.5
Тсахуры (14)	8	0.3	8	0.4
Азербайджанцы	84	4.1	92	4.2
Чеченцы	62	3.0	75	3.4
Русские	236	11.6	153	7.0
Евреи (15)	20	1.0	8	0.4

Усилия, направленные на строительство отдельных национальных идентичностей хоть и противоречили попыткам создания дагестанской идентичности, были довольно успешными. Это само по себе привело к национальным антагонизмам. Однако другие меры, предпринимаемые советскими властями в течение семидесяти лет – в частности (иногда насильственная, но всегда поощряемая) миграция с гор в низменности, и последствия «депортации» и «реабилитации» Чеченцев и Дагестанцев(16) - ухудшали ситуацию и трансформировали Дагестан в лабиринт взаимосвязанных национальных, экономических и социальных противостояний и конфликтов.(17)

Какой бы ни была официальная советская позиция, Шамиль всегда был «национальным» героем в Дагестане, а дагестанские историки, поддерживаемые местной партией, были на переднем плане при попытках его «реабилитации». Поэтому не было удивлением, что в конце 1980-х годов, когда политика «перестройки» и «гласности» Михаила Горбачева достигла периферии, дагестанцы воспользовались возможностью начать полную реабилитацию Шамиля. В 1990-х «духовное возвращение» Имама было подкреплено созданием аварским национальным движением Фонда имени Шамиля, который имел тесные неформальные связи с тогдашним Дагестанским отделением Академии Наук СССР.(18) Этот институт предпринял огромные усилия по восстановлению Шамиля в коллективной памяти дагестанцев путем опубликования научных и популярных работ об Имаме на русском и аварском языках, и финансируя создание фильмов, песен, фестивалей и других видов деятельности, посвященных Шамилю. В этот, 1990-й год, пришло окончательное официальное признание Шамиля властями Дагестана. (19) Они, при сильном давлении снизу, неохотно переименовали на официальной церемонии недавно построенное поселение в Шамилькалу.(20)

Деятельность Фонда имела главное значение для аварского национального движения. Для аварцев – с самого начала лидирующей группы в республике – Шамиль всегда оставался их собственным национальным героем. Кроме того, Имам был аварцем, как и два его предшественника. Этот факт был важным дополнительным элементом для национальной идентичности и коллективной памяти аварцев. Он также способствовал легитимизации и добавил историческое измерение к их доминирующему положению в республике.(21) Таким образом, дагестанская историческая интерпретация была развита главным образом аварской элитой и основным потоком аварского национального движения. После распада СССР, дагестано-аварская интерпретация была принята истеблишментом, и оба – истеблишмент и аварская элита – были тесно переплетены между собой.

Эта интерпретация никогда не делала акцента на самой борьбе, а концентрировалась на Шамиле. Имам рисуется в качестве национального героя, сильного правителя, одаренного генерала и сформированного политика. Но его наибольшим значением и наследием является, как писал на аварском один дагестанский национальный поэт, «выковывание единого Дагестана».(22) Это особенно важно для обоих, аварских националистов и для истеблишмента, при виде центробежных тенденций некоторых национальных движений в Дагестане, требующих отделения от республики.(23) Поэтому и делается особый акцент на Шамиля как основателя, государственного строителя и лидера объединенного Дагестана. Соответственно, предпринимаются большие усилия по описанию участия каждой Дагестанской национальности в его движении и борьбе.(24)

Другой важной чертой этой интерпретации является то, что когда победы Шамиля упоминаются с большой гордостью, упоминания о его враге тактично приуменьшаются до возможного минимума. Это

отражает мнение как истеблишмента, так и главного течения аварского национального движения о том, что Дагестан должен оставаться частью Российской Федерации. Прежде всего, Дагестан зависим от Москвы экономически и стратегически. Почти никто в Дагестане не видит возможности для выживания, если будет отрезана пуповина, соединяющая его с Россией. Но для каждого из них связь с Россией является также делом первостепенной важности. Для пост-коммунистического истеблишмента поддержка Москвы является решающей для самого его выживания. Аварскому национальному движению она нужна как для поддержания территориальной целостности республики против сепаратистских движений, так и для сохранения доминирующих позиций аварцев в ней. Хотя оба готовы были дать в 1997 году новую интерпретацию и интегрировать ее в свои цели.

Новая официальная интерпретация

Распад Советского Союза создал вакуум и в центре. Так как историки были более неуправляемы, они почувствовали себя свободными публиковать огромное разнообразие до сих пор запрещенных фактов, информацию о запрещенных субъектах и интерпретации. Шамиль и то, что было известно в советской терминологии как «Кавказская война», не были исключениями. Было опубликовано огромное число книг и статей, среди которых перепечатки редких или запрещенных книг. Однако, русское вторжение в Чечню в декабре 1994 года побудило многих московских профессиональных историков – в отличие от многих журналистов и публицистов – отреагировать на это давно устоявшимся рефлексом: воздержанием от рассмотрения этого субъекта, по крайней мере публично. Таким образом, академические публикации и другая научная деятельность, связанная с историей Кавказа в 18 и 19 веках, круто остановилась.⁽²⁵⁾ При официальном и академическом молчании, историческое измерение конфликта на Кавказе было предоставлено публицистам и средствам массовой информации.

Официальное молчание внезапно было нарушено в октябре 1997 года, когда центральное правительство Российской Федерации поддержало и приняло участие в мероприятиях по празднованию двухсотлетия Шамиля. Двухсотлетие официально отмечалось в Москве, Санкт-Петербурге, Калуге и многих других местах Российской Федерации (так же как и в других странах СНГ). Эти празднования достигли своего пика в Махачкале, столице Дагестана. Официально был объявлен выходной день с очень сжатым расписанием: парад, фольклорные представления, национальные блюда и торжества на главном проспекте; церемония переименования самого длинного (хотя и не главного) проспекта в имени Шамиля и открытие новой национальной библиотеки его имени; специальное торжественное заседание Государственного Совета Дагестана, при участии официальных делегаций из всех стран СНГ; и постановка пьесы молодого дагестанского драматурга (аварца), специально приуроченная к этому случаю.⁽²⁶⁾

Москва, кажется, следовала максиме: «Если ты не можешь их побить – присоединись к ним» и «приняла» Шамиля в официальный пантеон героев России. Таким образом, теперь центральными властями была сконструирована и распространена новая официальная интерпретация. Эта новая интерпретация основана на дагестано-аварской интерпретации. Фактически она подобна последней при одном изменении: она делает преобладающий акцент на Шамиле после 1859 года, лидере, который – как этого требует новая интерпретация – примирившись с прежним врагом и оказавшись восхищенным Россией и ее культурой, завещал своим потомкам и всем будущим поколениям дагестанцев (и разумеется чеченцам) жить в вечной дружбе и единстве с русским народом. Это была главная тема всех официальных празднований в октябре 1997 года. Созданный из Шамиля герой в дагестано-аварской интерпретации был сдвинут со своего центрального положения в новой интерпретации, хотя он оставался важным средством в расстановке новых акцентов. В конечном итоге, чем более велик герой, тем более важна ссылка на него.

Для Москвы цель этой новой официальной интерпретации ясна и проста – разоружить наследие Имама в борьбе против России и противодействовать его использованию в других интерпретациях, в первую очередь и прежде всего в Чеченской. Но новая интерпретация была также принята и дагестанским истеблишментом и основным течением аварского национального движения. (Последнее комбинирует ее со своей собственной интерпретацией). Например, во время официальных празднований в Махачкале она повторялась в уличных лозунгах по всему городу, в обращениях на торжественном заседании Государственного Совета и в вышеупомянутой новой пьесе. Фактически складывается впечатление, что высокопоставленные дагестанцы(27) и другие кавказцы в центральном правительстве, так же как и власти Дагестана оказали решающее влияние на решение Москвы принять эту линию, не говоря уже о конструировании этой интерпретации. Причина этого заключается в том, что все другие интерпретации – существующие и потенциальные – были сконструированы и используются для легитимизации или маргинальными группами существующей элиты, или же альтернативными элитами (по крайней мере потенциально). Поэтому они представляют собой экзистенциальную угрозу как истеблишменту, так и главному течению аварского национального движения.(28)

Чеченская интерпретация

Чеченский исторический опыт подвергается продолжающемуся давлению со стороны России и противостоит ей. С самого начала своего правления и в классической манере «разделяй и властвуй», русские пытались оторвать Чечню от Дагестана. Сталин завершил этот процесс путем создания отдельной Чечено-Ингушской(29) АССР в рамках РСФСР. Более того, Сталин включил в нее значительное русское меньшинство. Этим он предотвратил чеченцев от возможности формировать четкое большинство(30) и

пользоваться доминирующим положением в республике.(31) Пиком их исторической памяти является депортация 1944 года, рассматриваемая чеченцами как явная попытка их геноцида.(32) Это эхо репрессий и сопротивления скрепляло чеченцев как нацию – уже отличающуюся этническую группу ко времени российского завоевания.(33)

Поэтому естественно, что с 1991 года первостепенной темой в конструировании национальным движением и властями в Грозном коллективной идентичности и памяти было то, что они официально называли «трехсотлетней войной против России за свободу». Шамиль, хотя сам и не являющийся чеченцем, является одним из выдающихся лидеров и символов этого сопротивления. Это было ясно продемонстрировано в мае 1992 года, когда Чеченская Республика выпустила первую серию своих почтовых марок. Имам Шамиль был одним из трех героев, изображенных на них.(34) Двухсотлетие Шамиля официально отмечалось в Чечне. Однако для того, чтобы подчеркнуть свою независимость, чеченские власти праздновали его 21 июля 1997 года (в отличие от всех остальных стран СНГ, где оно отмечалось в октябре). На основной церемонии этого празднования президент Масхадов официально открыл мемориальный комплекс Шамиля в Ведено, «столице» Имама в период между 1845 и 1859 годами. Комплекс состоит из мечети с минаретом высотой в 25 метров (символизирующий 25 лет руководства Шамилем сопротивлением), Мадрассах(35) и стену его крепости, разрушенную русской армией.(36)

Будучи центральной фигурой в этой исторической интерпретации, Шамиль все же является одним из нескольких героев, поддерживаемых чеченским национальным движением, и не самым важным. В чеченской интерпретации первое место принадлежит Иمامу Мансуру, первому руководителю сопротивления русскому завоеванию (1785-1791) и призывавшему народы Кавказа к единству (и к возвращению к шариату, что не упоминается в этой интерпретации).(37) Более важно то, что он был чеченцем – эта точка зрения выражала национальную гордость чеченцев и их требование на лидерство среди народов Северного Кавказа.

Более того, настоящим героем в этой интерпретации является не Мансур, Шамиль или какой-либо другой лидер, а чеченский народ. Таким образом, акцент переносится на центральность Чечни и чеченцев в борьбе и правлении Шамиля: подчеркивается тот факт, что чеченцы составляли львиную долю его армии и были его наиболее пылкими сторонниками; акцентируется, что Чечня была продовольственной корзиной для его доминионов и стратегически его наиболее важной частью; освещается факт того, что в период между 1840 и 1859 годами, в целях доказательства центральности Чечни для Имама, Шамиль выбирал местоположение столиц в Чечне. Еще более важно, что акцент делается на продолжающемся сопротивлении. Шамиль был всего лишь одним из лидеров, и борьба, которую он возглавлял, была всего лишь одной из фаз продолжающейся «трехсотлетней войны». Хотя в некоторых случаях сторонники чеченской исторической интерпретации ругали Шамиля за его окружение в 1859 году.(38) Как выражение крайности, он обвинялся

в измене:

Имам Шамиль был дагестанцем. Он возглавлял восстание против русских. Чеченцы присоединились к нему в его борьбе. Но когда он был окружен, то чеченцы назвали его предателем [...]. Чеченцы считают Шамиля предателем. Они не считают это [его окружение – М.Г.] как допустимость русского правления. (39)

Как противоположность Шамилю и символ «истинного» сопротивления до конца чеченские круги рассматривают одного из его набов (командиров) – Байсунгура – который продолжал бороться с русскими в течение более чем одного года после после Имама.(40)

Интерпретация о единстве Кавказа

Вторая интерпретация, которой Москва старалась противодействовать путем поддержки своей собственной, в данный момент является лишь потенциальной. Но если она сформируется, то сможет нанести большой ущерб интересам Кремля. Это интерпретация, которая делает упор на цели борьбы Шамиля – единство Кавказа в целом или по крайней мере Северного Кавказа.

Единство Кавказа, хотя оно и имеет своих сторонников, кажется в данный момент утопией. Единство Северного Кавказа, хоть и также стоящее под вопросом, видится – по крайней мере на поверхности – не таким маловероятным. Все коренные народы Северного Кавказа имеют сильное чувство принадлежности этой общей «семье», культуре, даже «горской» (как они себя называют) идентичности. Это чувство принадлежности не вытеснилось новыми отдельными национальными идентичностями, обретенными в советский период.

Политической демонстрацией этой общей «горской» идентичности и идеалом единства является Конфедерация Горских Народов Кавказа, образованная в августе 1989 года.(41) Конфедерация претендовала на легитимность и нацеливалась на восстановление недолго живущей «Горской Республики» 1918 года. Но Конфедерации не удалось выйти за пределы границ региональной и российской политики. Если бы она оказалась важным политическим участником, то смогла бы развить и распространить данную интерпретацию.(42)

Другим потенциальным элементом в развитии и использовании такой интерпретации – отдельно или в унисон с Конфедерацией – являются чеченцы. При Джохаре Дудаеве чеченские власти публично поддерживали идею единства Северного Кавказа. Чеченская Республика была единственным правительством, представленным в Конфедерации. Чеченские добровольцы воевали на стороне абхазов против грузин – этот факт широко оглашался Грозным.(43) Хотя в данный момент такие тенденции и держатся в профиле закона, они не исчезли(44) и всегда могут проявиться вновь если отношения с Москвой ухудшатся.

В таком случае, новая интерпретация будет направлена на

совместную борьбу горцев против российского завоевания и на попытки разных лидеров сопротивления – начиная с Имама Мансура и заканчивая лидерами «Горской Республики» (если не Дудаевым) – объединить всех горцев. Она также будет направлена на ту лидирующую роль, которую чеченцы всегда играли в своей борьбе. Тем самым, новая интерпретация будет дополнять и укреплять существующую чеченскую двумя способами: внутри Чечни она будет укреплять чеченскую идентичность и гордость, а за ее пределами она будет добавлять легитимности при обращении чеченцев к другим «горцам» с призывами объединиться в борьбе и при их требованиях на лидерство в ней и в Конфедерации.

Аварская революционная интерпретация

Существует и третья интерпретация, которой как Москва, так и Махачкала стараются противодействовать путем поддержки новой официальной версии прошлого. Эта интерпретация почти полностью похожа на дагестанско-аварскую при одном значительном исключении: как и в чеченской интерпретации, центральным в ней является сопротивление Москве. В отличие от дагестано-аварской интерпретации, она концентрирует внимание на роли Шамиля и двух других имамов как лидеров освободительной борьбы против России, и с великой гордостью упоминает о более поздних восстаниях против российского и советского правлений и их лидеров. Она подчеркивает тот факт, что все эти лидеры были аварцами, что усиливает претензии аварцев на лидерство в Дагестане, так же как и в борьбе горцев за независимость.

В момент написания данной статьи эта интерпретация находилась на обочине. Она конструировалась очень маленькой маргинальной группой аварских экстремистов. Однако ее потенциальный ущерб интересам Кремля – так же как и главному течению аварских националистов и нынешнему дагестанскому истеблишменту – не должен восприниматься слишком легко. Не видно, чтобы эта группа разделяла убеждения главного аварского течения о необходимости оставаться частью Российской Федерации. Во время войны в Чечне (1994-1996), по крайней мере словесно, она сильно поддерживала чеченцев.⁽⁴⁵⁾ Дагестан, с его национальными, экономическими и социальными проблемами, восьмидесятипроцентным пиком безработицы и обременительной преступностью, может быть благодатной почвой для таких взглядов. Эта интерпретация сама по себе, или же с ассоциацией с другими, может дать им требуемую легитимность.

Мусульманская консервативная интерпретация

Не случайно, что все вышеперечисленные интерпретации совершенно упускают из вида религиозное измерение лидерства и борьбы Шамиля. Все, что было (или будет) сконструировано, отражает ценности и взгляды, и служит интересам светской, имеющей советское образование, элите. Две следующих

интерпретации связаны с совершенно другими социальными группами, которые рассматриваются существующей элитой в качестве угрозы. Одна из них не была полностью ассимилирована советской системой образования. Другая была частично советизирована. Обе поддерживают ислам и так же подозрительно смотрят на Москву.

Мусульманская консервативная интерпретация хронологически является первой и была сконструирована самой старой элитой – традиционно религиозно-суфистскими лидерами (в основном Накшбанди-Халиди). Как и светские интерпретации, она описывает Шамиля как великого руководителя сопротивления, «национального» героя, сильного правителя, гениального полководца и государственного деятеля. Как и чеченская или аварская революционная интерпретация, она подчеркивает сопротивление и перечисляет все восстания и их лидеров. Однако, в этой интерпретации сопротивление осуществлялось против «неверных» – русских – а «нация», для которой Шамиль был «национальным» героем, была мусульманской имма, то есть мусульманскими (суннитскими) горцами. Более того, эта интерпретация подчеркивает тот факт, что Шамиль – как почти все лидеры до и после него – был алимом и шейхом Накшбанди-Халиди. Поэтому она ставит ударение на религиозной легитимности его руководства, так же как и на том, что за Накшбандия-Халидия оставалась лидирующая роль в прошлом, и вероятно будет и в будущем. Исламская интерпретация так же легко может послужить в качестве альтернативной идентичности и основы единства Северного Кавказа.

В Дагестане и Чечне суфистские порядки остались особо важными в социальной и экономической жизни. Исламские лидеры настойчиво сопротивлялись советским преследованиям и успешно сохраняли ислам в подполье. В результате в течение всего советского периода дагестанцы (и чеченцы) оставались наиболее верными исламу во всем СССР. После крушения Советского Союза суфистское руководство Дагестана – в отличие от своей части в Чеченской Республике(46) – слабо принимало участие в политических делах. Однако в других делах важность ислама и традиционного суфистского руководства постоянно нарастала. Важным и постоянно напоминающим об этом являются открытия мечетей и мазаров (центры пилигримства, обычно мавзолей суфистов-шейхов), а так же собрания тысяч людей для празднования подобных церемоний. Нежелая плыть против течения, власти стали присоединяться к таким празднованиям и превращать их в официальные события.(47)

После распада СССР дагестанский истеблишмент старался приспособиться к исламу и сотрудничать с суфистскими лидерами. Он делал это потому что, во-первых, коллапс марксизма-ленинизма ограничил его средства легитимизации своего правления и мобилизации народа, а во-вторых, ослабление центрального правительства в пост-советской России ослабляло его способность поддерживать Махачкалу. Как и везде в бывшем СССР, религия – в этом случае ислам – оставалась главной альтернативой на идеологическом пустыре, оставленном семидесятилетним советским правлением, а религиозное руководство – единственным, имеющим

реальный авторитет.

Однако, в случаях необходимости поддержки со стороны традиционного суфистского руководства, истеблишмент делал все для того, чтобы не кооптировать с ним. Во-первых, оно все еще представляет собой потенциальную угрозу и альтернативу для истеблишмента. Во-вторых, истеблишмент может быть ослаблен, но распоряжаться все же достаточно эффективными средствами принуждения и пользоваться достаточной поддержкой Москвы, чтобы контролировать ситуацию. В-третьих, суфистское руководство не желало использовать своей явной силы для того, чтобы выйти на переднюю линию. Такой выход противоречил бы суфистскому принципу мышления – включая Накшбанди-Халиди. Но что наиболее важно, интересы обоих совпадают в том, что оба называют «исламским фундаментализмом». И так как суфистское руководство является в данный момент первостепенной целью этой новой силы, оно нуждается в поддержке истеблишмента против так называемых «ваххабистов». Поэтому ему необходимо сотрудничать с истеблишментом, который, со своей стороны, пытается использовать и сдерживать его. «Ваххабисты», в свою очередь, являются потенциальными конструкторами еще не существующей, но очень правдоподобной интерпретации.

Мусульманская революционная интерпретация

«Ваххабизм» является уничижительным термином, применяемым политическим и религиозным истеблишментом к этой новой силе во всех мусульманских частях бывшего СССР. Делая это, они очерняют и нейтрализуют его влияние. Далекие от связи с официальной саудовской религиозной доктриной, и вовсе не однородная группа, «ваххабисты» фактически являются молодыми людьми, прошедшими в последние годы религиозное обучение на Ближнем Востоке. Многие из них – хотя и не все – имеют действительно «всецелостность» восприятия ислама и верят в установление исламского общества и государства.

Вернувшись к себе на родину, эти молодые люди увидели многие отклонения от «чистого» ислама так как они их воспринимают в традиционной религиозной практике. Их публичная критика этой практики, суфизма и старого, традиционного руководства – освященная для верующих двумя веками сопротивления и семью десятилетиями антирелигиозных преследований – вылилось в сильную, иногда насильственную, реакцию. Тот факт, что власти отождествляют «ваххабистов» с «фундаменталистами» – со всем параноическим содержанием этого термина – лишь усугубил ситуацию, и как в Дагестане, так и в Чечне произошли столкновения, приведшие к ранениям и убийствам.(48)

Шамиль был бы идеальной моделью для «ваххабистов», если бы они когда-либо объединились и решили сконструировать такую интерпретацию. После этого он успешно мог бы быть представлен в качестве вдохновителя исламской революции.(49) Именно он поднял знамя «истинного» ислама выше, чем освобождение от иноземного

правления; главной целью провозглашенной им борьбы было укрепление шариата. Это было условием любой успешной борьбы за освобождение. Поэтому основное усилие Шамиля было направлено на «неверующих» изнутри, нежели «неверных» снаружи – на коррумпированных, «коллорационистских» местных правителей и грешащих, потерявших духовность религиозных деятелей, которые сбили народ с пути. Он не колеблясь использовал силу против своего собственного учителя с целью ввести религиозный запрет на алкоголь.(50) Такая интерпретация, если она будет сконструирована, могла бы оказаться сильной, играющей на чувствах и эмоциях целого ряда народов. Это и является причиной того, почему все оппоненты «ваххабистов» стараются подавить их и не допустить конструирования их интерпретации.

Каждая из приведенных выше интерпретаций, даже первые три, которые при написании статьи считались доминирующими, находятся в начальной стадии их конструирования. Каждая из них может подвергнуться большим изменениям и все вместе в отношении друг друга и к новым версиям. Лишь будущее ответит какие интерпретации исчезнут (или не материализуются), какие из новых будут сконструированы (если будут), и какие (и сколько) станут доминирующими. Но можно сказать довольно определенно, что их развитие будет сильно зависеть от внутренних политических событий как в России и в различных республиках Кавказа, так и от отношений между ними.

Примечания

* **Моше Гаммер** является сотрудником кафедры ближневосточной и африканской истории Тель Авивского университета.

1. Официально СССР был федерацией десятков единиц автономий, организованных на разных уровнях: на верху были 15 Советских Социалистических Республик (ССР), которые, в соответствии со всеми советскими конституциями, были признаны в качестве суверенных государств, которые добровольно вошли в состав СССР и имели право на отделение. Они автоматически стали независимыми, суверенными государствами, как только Советский Союз прекратил свое существование. Советское определение суверенитета отличается от Западного, что создало огромные разногласия в ходе развода республик СССР. Четыре другие уровня – Автономные ССР, области, районы и микрорайоны – получили различные степени автономии в рамках отделившихся ССР, составными частями которых они являлись без права на отделение. В некоторых случаях последние почувствовали себя в «ловушке» в рамках Российской Федерации, и или указали на то, что желают независимости – наподобие Татарстана – или же односторонне провозгласили ее, как это произошло в Чеченской Республике.
2. См.: Moshe Gammer. Muslim Resistance to the Tsar. Shamil and

the Conquest of Chechnia and Daghestan. London: Frank Cass, 1994 (Second edition forthcoming). Суфизм является исламским мистицизмом. Его приверженцы организованы в тарикас (ордера), каждый из которых имеет свою собственную структуру, иерархию, порядки, убеждения и ритуалы. Накшбандия является одним из наиболее широко распространенных и важных суфистских ордеров. Сформировавшись в Средней Азии, он распространился на остальные части мусульманского мира. (Об общем обзоре истории ордера см.: Hamid Algar, 'A Brief History of the Naqshbandi Order', in: Marc Gaborieau, Alexandre Popovic and Thierry Zarcone (eds.). Naqshbandis. Historical Development and Present Situation of a Muslim Mystical Order, Istanbul: Isis Press, 1990, pp. 3 - 44.) С самого начала Накшбандия был жестко «ортодоксальным»; он настаивал на полной и тщательной приверженности шариату во всех сферах жизни – как частной, так и общественной. Однако в 17 веке в Индии он трансформировался в «авангард возрождающейся исламской ортодоксальности» - Bernard Lewis. The Middle East and the West. New York, 1966, p. 66. В 18 и 19 веках он возглавлял или вдохновлял большое число движений сопротивления иностранным завоеваниям во всем мусульманском мире, от Китая до западной Африки.

Халиди, как ответвление от Накшабандия, было названо по имени его основателя Шаих Халид аль-Шахразури (1776-1827). Оно распространилось на Кавказе в 1810-х и 1820-х годах. Халиди было более чем просто «ортодоксальным»: оно было злобно враждебным ко всем не-суннитам. (О Шаих Халиде и Халиди см.: Albert Hourani, 'Sufism and Modern Islam: Maulana Khalid and the Naqshbandi Order,' in: idem. The Emergence of the Middle East ((London, 1981)), pp. 75 - 89; Butrus Abu Manneh, 'The Naqshbandiyya-Mujaddidiyya in the Ottoman Lands in the early 19th Century,' Die Welt des Islams, Vol. 12 ((1982)), pp. 1 - 12. О распространении Халиди на Кавказе см.: Moshe Gammer, 'The Beginnings of the Naqshbandiyya in Daghestan and the Russian Conquest of the Caucasus,' Die Welt des Islams, Vol. 34 ((1994)), pp. 204 – 217.)

3. Алим (мн. Улама) является экспертом и квалифицированным интерпретатором мусульманского религиозного закона – шариата – и поэтому религиозным лидером.
4. После окружения Шамиля на Кавказе распространился другой основной суфистский ордер – Кадирия, который стал доминирующим среди чеченцев и ингушей. См.: Moshe Gammer, 'The Qadiriyya in the Northern Caucasus,' Journal of the History of Sufism, Vol. I, No. 1 (forthcoming). О важности суфистских ордеров см.: Anna Zelkina. In Quest of God and Freedom. The Sufi response to the Russian Advances in the North Caucasus (Chechnya and Daghestan). London: C. Hurst, Forthcoming.
5. В последующих восстаниях чеченцы и дагестанцы старались восстановить имамат Шамиля, и даже пригласили его потомков руководить ими: в 1877-78 годах им был его сын Гази Мухамед, а в 1920 – его внук Саит. Русская историография в основном интересовалась тем, кого можно больше удостоивать чести

- (если не всех) ради конечной победы. Тем не менее она отдавала должное Шамилю как «гениальному военному и политическому лидеру» и великой личности. Кажется, что российский истеблишмент понял то, чему многие нынешние лидеры и их эксперты еще не научились, а именно – чем более велик противник, тем более велика победа над ним.
6. Узун Хаджи (1818 – 1920) и Наджм аль-Дин из Хотсо (1920 – 1921) специально нацеливали восставших на восстановление имамата Шамиля.
 7. СМ.: Moshe Gammer, "Shamil in Soviet Historiography," *Middle Eastern Studies*, Vol. 28, No. 4 (October 1992), pp. 729-777.
 8. Это литературный перевод названия «Дагестан» (Даг на турецком означает гору, а стан является персидским суффиксом обозначающим название территории). Лишь южная, горная часть нынешней Республики Дагестан составляет исторические «горские земли».
 9. Еще тринадцать этнических групп были официально зарегистрированы как аварские: ахвахи, анди, арчи, бакгулалы, ботлыхи, чамалы, дидои, годуберы, капучины, каратаи, хунзалы, хварши и тинды.
 10. Дополнительно две этнические группы официально были обозначены как даргинцы: кайтаки и кубачи.
 11. Лишь менее половины лезгин проживает в Дагестане. Большая их часть живет в прилегающих районах северного Азербайджана.
 12. Лишь около 42% ногайцев живет в Дагестане. Такое же число живет в Ставропольском крае, а остальные – в Чеченской Республике.
 13. Лишь около 33% татов проживает в Дагестане. Дополнительно 39% живет в прилегающих районах северного Азербайджана. Кавказских (горских) евреев иногда считают татами, что делает статистику обеих групп непоследовательной. (См. сноску 50 ниже.)
 14. Лишь около 34% тсахуров живет в Дагестане. Из них около 63% живет в прилегающих регионах северного Азербайджана.
 15. Статистика евреев иногда включает лишь восточноевропейских евреев (ashkenazi), но иногда и кавказских евреев.
 16. СМ.: сноску 22 ниже.
 17. О ситуации в Дагестане см.: Egbert Wesselink. *The Russian Federation: Daghestan*. London: Writenet (UK), November 1995; Clem McCartney. *Daghestan: A Situation Assessment Report*. London: International Allert, 1996.
 18. Robert Chenciner, *Daghestan. Tradition and Survival* (London and New York, 1997), p. 17.
 19. I bid, p. 19.
 20. Как видно, переименование было произведено исходя из того расчета, что столицу, Махачкалу, требовали переименовать в город имени Шамиля
 21. Не случайно, что аварский национальный фронт, образованный как реакция на другие фронты, был назван именем Шамиля.
 22. Расул Гамзатов. *Мой Дагестан* (Москва, 1972), с. 298.
 23. Это особенно касается экстремистских крыльев кумыкского и лезгинского национальных движений.

24. На первой конференции, проведенной в июне 1989 года в Махачкале и имеющей целью «реабилитировать» Шамиля, 23 из 103 статей посвящались участию разных национальностей в движении Шамиля или отражению этого в фольклоре – Институт Истории СССР, АН СССР; Институт истории, языка и литературы дагестанского филиала АН СССР; Дагестанский государственный университет им. В.И.Ленина. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Всесоюзная научная конференция, 20-22 июня 1989 г. Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989 г. На недавней конференции, проведенной в октябре 1998 года в Махачкале, 3 из 51 статьи были посвящены участию отдельных национальностей в движении Шамиля, а основная тема, сформулированная руководителем академического истецблишмента Дагестана, была посвящена «возрождению личности горца и вхождению Дагестана в новую эру как наиболее важное последствие национально-освободительной войны» – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского отделения РАН; Институт российской истории РАН. Кавказская война. Спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов международной научной конференции (Махачкала, 1998).
25. Памятуя о периоде между 1944 («депортация» чеченцев) и 1950 годами (объявление о новой официальной позиции по отношению к Шамилю), русские историки отказались иметь дело с этим предметом исследования. В 1995 году в Москве не мог быть укомплектован комитет по проверке диссертации на тему «Чечня во время Кавказской войны», так как почти все, к кому обратились, отклонили приглашение участвовать в нем. Руководителю пришлось обратиться к Западным историкам с просьбой написать свои заключения о диссертации.
26. Шапи Казиев. Шамиль в Калуге.
27. Самый высокопоставленный дагестанец, министр по делам национальностей Российской Федерации Рамазан Абдулатипов, будучи центральной фигурой в формировании российской политики на Кавказе, является главным агентом развития и поддержки нового подхода.
28. Насколько драматично было изменение позиции истецблишмента, можно увидеть при сравнении двухсотлетия Шамиля с юбилеем первого имама, Гази Мухамеда (1829-1832) в 1993 году. Двухсотлетие Гази Мухамеда в Махачкале было организовано Фондом Шамиля. Власти, которые не могли предотвратить события, предпочли полностью проигнорировать его.
29. Ингуши очень близки к чеченцам. Фактически большинство чеченцев рассматривает их как часть своего собственного народа. Однако другая историческая основа – «отказ ингушей от участия как в движении Шамиля в девятнадцатом веке, так и в великом восстании 1920-22 годов» - сильно культивированная русскими и советскими властями, привела к формированию у них отдельной идентичности (Alexandre Bennigsen and S. Enders Wimbush. Muslims of the Soviet Empire. A Guide. London: C. Hurst, 1985, p. 189).
30. Согласно переписи 1989 года, чеченцы составляли 57.82%

- населения Чечено-Ингушской АССР.
31. Республика и ее коренное население жестко контролировались Москвой. Это ясно демонстрируется тем фактом, что до 1990 года первый секретарь республики всегда был лицом русской национальности. (Такая политика находилась в остром противоречии с обычной советской практикой иметь представителя титульной национальности в качестве главы местной партии, в то время как реальная власть находилась в руках его русского заместителя, который обычно так же был руководителем КГБ в регионе.) В добавок, республиканские власти вложили огромные усилия в то, чтобы держать долю русского населения в пределах 20-25%. С этой целью предпочтение отдавалось русским иммигрантам в республику, а не чеченцам или ингушам при предоставлении работы, зарплат, жилья и т.п. В результате безработица среди чеченцев и ингушей толкала многих из них на поиски работы – по крайней мере сезонной – в других частях СССР, что не могло не нравиться властям.
 32. 23 февраля 1944 года, в день Советской Армии, все чеченцы (и ингуши) были депортированы в Среднюю Азию, а Чечено-Ингушская АССР упразднена. Официально причина этого была объяснена как массовое сотрудничество с немцами (которые никогда не ступали на территорию Чечено-Ингушской АССР). Реабилитированным в 1956 году, чеченцам было разрешено вернуться на свою родину, но не поселиться обратно во многих горных деревнях, где было особенно трудно держать их под контролем. Чеченцам Дагестана, депортированным вместе со своими братьями, не разрешалось возвращаться в свои деревни. Их проблема послужила причиной одного из главных межэтнических конфликтов в Дагестане, вовлекшем несколько национальностей – аварцев, даргинцев, лаков, кумыков и, конечно, чеченцев. О сталинской депортации на английском языке см.: Robert Conquest. *The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities* (London, 1970) and Alexandre Nekrich. *The Punished Peoples* (New York, 1978).
 33. О ситуации в Чеченской республике до российского вторжения в 1994 году см.: International Allert. *Preliminary Summery Observations of the Fact-Finding Mission to Chechnia* (24 September – 3 October 1992) (London, October 1992); International Allert. *Report of the Fact-Finding Mission to Chechnia* (24 September – 3 October 1992) (London, nd).
 34. Другие два – оба чеченца – были имам Мансур, первый лидер сопротивления России на Кавказе между 1785 и 1791 годами (см. ниже), и генерал Дудаев, тогдашний президент республики и ее лидер в борьбе за независимость.
 35. Мадраса является традиционным мусульманским институтом высшего образования, гдк улама проходят подготовку и получают сертификаты.
 36. Русское информационное агентство «Новости», 21 июля 1997 года. Упоминаемая крепость является вероятно известной как «крепость Шамиля», которая была повреждена российскими бомбардировками в ходе недавней войны. В действительности это форт, построенный российскими силами после захвата Ведено в 1859 году. Первоначальная столица Шамиля – Новый

- Дарго – была полностью разрушена после этого захвата. Руины Нового Дарго сейчас превращены в холм в нескольких километрах от к югу от нынешнего форта.
37. Наилучшим исследованием по имаму Мансуру все еще является: Alexandre Bennigsen, 'Un mouvement populaire au Caucase au XVIII siecle. La "Guerre Saint" du Shaykh Mansur (1785 – 1791). Page mal connue et controversee des relations russo-turques,' Cahiers du Monde Russe et Sovitique, Vol. V, No. 2(April – June 1964), pp. 159 – 205. Обзор новой книги на данному предмету см. в: Moshe Gammer, 'A Preliminary to Decolonizing the Historiography of Shaykh Mansur,' Middle Eastern Studies, Vol. 32, No. 1 (June 1996), pp. 191 – 202.
 38. Хотя обзор нескольких книг о недавней войне в Чечне, сделанный Асланбеком Кадиевым, рассылался по нескольким спискам электронной почты.
 39. Информация Еймана Джафара (ejafar@csd.uwm.edu) о списке по Чечне (chechnya@plearn.bitnet) от 24 января 1995 г.
 40. Позже чеченские представители интересовались биографией о Байсунгуре.
 41. Она была основана в августе 1989 года как «Ассамблея Горских Народов Кавказа», а в октябре 1991 года переименована в «Конфедерацию Горских Народов Кавказа».
 42. См.: Moshe Gammer, 'Unity, Diversity and Conflict in the Northern Caucasus,' in: Yaacov Ro'i (ed.). Muslim Eurasia: Conflicting Legacies (London, 1995), pp. 173 – 4 and Appendix, pp. 183 – 186.
 43. Шамиль Басаев, нынешний премьер-министр Чеченской Республики, командовал батальоном чеченских добровольцев в Абхазии.
 44. Таким образом, на вышеупомянутой церемонии (сноска 29 выше) Масхадов поднял уровень вклада Шамиля «в освободительную борьбу народов Кавказа» и призвал своих слушателей помнить «во все времена», что «все живущие на Кавказе народы составляют один «кавказский» народ» – I bid., loc. cit.
 45. См., например, интервью с лидером Аварского Национального Фронта, Известия, 20 января 1996 года. В действительности они поддерживали борьбу чеченцев за независимость с самого начала в 1991 году. В мае 1992 года, например, известный аварский журналист спросил автора: «Все дагестанцы завидуют чеченцам, потому что когда мы все еще мечтаем о прошлом, они строят будущее».
 46. См. сноску 4 выше.
 47. Например, 22 октября 1997 года имела место церемония нового открытия мазара Шаих Абд аль-Рахман Хаджи аль-Сугхури – одного из наиболее выдающихся шейхов Накшбанди-Халиди пост-Шамилевской эры. На церемонии присутствовали тысячи мужчин и женщин из всего Дагестана и Чечни. Можно было видеть слезы в глазах многих людей, особенно когда муфти вел публичную молитву. Власти сделали церемонию официальной, послав своих представителей для восседания на трибуне и поздравлений.
 48. О таких столкновениях: Информационное Телеграфное Агенство России – ТАСС, 23, 24 мая (Дагестан) и 14 апреля, 16

июля; Agence France Press, 16 July; Radio Free Europe/Radio Liberty, 16 July 1998 (Chechnya).

49. Фактически такой символ использовался одной из групп муджахедов в Афганистане – 'Ghazi Imam Shamil, Rahmat Allah 'alyhi, Avvalen Rahbar-e Jangeha-ye Gorila-ye Islam,' Vatan (Organ of the Islamic Union of the Provinces of Northern Afghanistan), 20 Jumadi II 1402 / 4 April 1983, front page. Хомейни называл Шамиля в одной из его речей по радио «героем ислама».
50. Учитель Шамиля и самый известный алим в Дагестане, Саид аль-Харакани интерпретировал, что запрет Корана на вино касается только алкогольных напитков, изготовленных из винограда. В 1837 году, когда Шамиль вошел в Харакан и взял над ним контроль, он приказал вылить все напитки в подвал своего бывшего учителя.

Back to [index](#)